

ГЛАВА 1

КОСТИ VS ЛАЙКИ

Воздух в классе был спёртым и густым, как кисель. Пылинки лениво танцевали в луче света, падавшем от окна прямо на учебник истории, открытый на странице с чёрно-белыми фотографиями военных лет. Максим откинулся на спинку стула и водил пальцем по экрану смартфона под партой. Очередной клик — и его губы расплылись в улыбке. В турнирной таблице любимой стрелялки он увидел своё имя среди лучших игроков. Голос учителя, Аркадия Семеновича, доносился до него, как далёкий монотонный гул, в котором тонули отдельные слова: «...подвиг...», «...ценою жизни...», «...долг памяти...».

— Максим, ты нас слышишь?

Голос прозвучал прямо над ухом. Максим вздрогнул. Ребята смотрели на него с насмешливым любопытством. Аркадий Семёнович стоял рядом, поглаживая густую, с проседью, бороду.

— Я спросил, что ты думаешь о значении партизанского движения в годы Великой Отечественной войны? Или твой телефон предлагает более захватывающую версию событий?

Все головы повернулись к нему. Максим заметил, как Виолетта ехидно скривила губы, и его щёки запылали. Он ненавидел, когда его ловили врасплох.

— Я думаю, что оно было... важным, — буркнул он.

— Как оригинально, — сухо заметил учитель. — А что для тебя, Максим, значит слово «патриотизм» сегодня? Не из учебника, а твоё личное мнение.

Максим поморщился. Он терпеть не мог эти «личные мнения», когда ждут только одного — правильного, предсказуемого ответа.

— Ну... любить свою страну, — начал он нехотя.

— И как это проявляется сегодня? Ходить на парад 9 мая? Цеплять на машину георгиевскую ленточку? Репостить патриотичные картинки? — В голосе Аркадия Семёновича не было насмешки, был буднично вопрошающий тон, который раздражал ещё больше.

Позади кто-то нарочито громко зевнул. Знакомое чувство раздражения подкатило к горлу Максима.

— А что, разве нет? — Максим почувствовал, как жар поднимается к ушам. Голос сорвался громче, чем он хотел. — Ну да! Посмотрят парад по телеку, всплакнут, а через два дня... забудут. Ну и что? Ритуал.

С задней парты фыркнули.

— Точно, — голос Комарова, сквозь сдерживаемый смех. — Деменция, а не патриотизм.

— Да нет, это ритуал — ежегодный вызов духов предков в гимнастёрках...

В классе прокатился короткий, одобряющий гогот. Максим почувствовал прилив сил.

— Игнатов, ты идиот! — стул с визгом отъехал, и Аня вскочила, сжав кулаки, но не на Комарова, а прямо на Максима. — Тебя бы просто не было! Ни тебя, ни твоего папочки с его кредитами! Если бы не такие, как мой дед, который поднимался в атаку на колючку, вы бы сейчас немецкий в школе учили, а не в телефонах сидели! Это судьбы людей, а не даты в учебнике, это кровь!

— Что? — перебил Максим, уже наслаждаясь. — Судьбы? Ну-ну, расскажи.

— Да! Это судьбы людей. И те, кто жив, и те, кто не вернулся, они... они связаны и заслуживают уважения!

Максим насмешливо оглядел Соколову. Её трудно было не заметить, потому что она была одета не в безликую школьную форму, а в тёмно-зелёные грубые брюки, заправленные в высокие ботинки, и просторную рубашку защитного цвета. Высокая, худая, с резкими чертами лица, прямыми выцветшими бровями и глазами неопределённого серо-зелёного цвета, в которых сейчас плясали искры гнева. Её лицо мелькало в школьных пабликах обычно где-нибудь на фото с субботников или с исторических квестов. Максиму она казалась инопланетянкой.

— А ты, Соколова, похоже, в партизаны собралась, — Виолетта закатила глаза и сложила губы хоботком.

— Да, собралась! — Аня выпрямилась, как струна, и сощурила глаза. — На «Вахту памяти»... без вести пропавших солдат поднимать.

— Эти дурацкие кости, эта вечная память... — Виолетта с напускным равнодушием закатила глаза. — Зачем это всё, если нельзя сфоткаться и получить лайки? Нет, это просто ненормально.

— Конечно, — прыснул Кирилл, — ты туда не пойдёшь, потому что за кости лайки не ставят.

— Мой дед тоже где-то воевал, в Афгане, кажется, — скривилась она, — но он хотя бы квартиру в центре после этого получил, а не в земле валяется. Нормальные люди думают о будущем, а не копаются в грязи.

В классе повисла тишина, нарушаемая лишь покашливанием и скрипом стульев. Виолетта скучающе смотрела в окно и постукивала длинными разноцветными ногтями по парте.

— И что? — громко, на весь класс, произнес Максим. — Нашли кости. Похоронили. Ну и что изменилось? Мир стал лучше? Курс доллара упал? Вы, Соколова, прямо как секта. Ходите, ищете «сакральные знания», а по факту — навязываете всем чувство вины. Я никому ничего не должен. Тем более тем, кто умер до моего рождения. Это их выбор был — воевать, не мой.

Несколько ребят с задних парт фыркнули. Аня покраснела, но не смутилась.

— Изменилось то, что несколько солдат перестали быть без вести пропавшими, Максим, — холодно парировала она.

— Ага. Закопали кости с почестями. Патриотично. Только вот нафига это мне? Или им? — Максим мотнул головой в сторону класса.

— У одного из них, лейтенанта, внутри истлевшего кармана нашли письмо. Там было написано: «Дочка, я тебя очень люблю. Расти большой». Ему было двадцать два. У него выросла дочь и внуки. И некому было бы прийти на могилу, если бы не мы. — Она перевела дух. В классе стало очень тихо. — А ты говоришь — нафига. Вот для этого.

— Ну, не все же могут играть в копателей, как ты, Соколова.

— Это не игра! Это долг. Память. А вы все... — у Ани дрогнул голос, в нём впервые прорвалась обида. Она обвела взглядом класс, — вы все просто... Сидите в своих соцсетях, как дохлые мухи в паутине, и думаете, что мир начался с вашего рождения.

— Ой, завела шарманку! — не унимался Максим, чувствуя поддержку одноклассников. — «Долг, память, предки». Может, ещё военные песни споём? У меня дед вон тоже о войне только и говорит, отец мой уже бесится.

Прошлое надо отпускать, а не ковыряться в нём, как в мойке.

Аня смотрела на него с таким горьким недоумением, что ему на секунду стало не по себе. Но он лишь надвинул капюшон худи пониже на лоб.

— Ты просто ничего не понимаешь, Игнатов, — тихо сказала она. — И не хочешь понимать. Тебе страшно. Страшно узнать, что твой комфортный мирок построен на костях таких же, как ты, пацанов, которые не струсил. История — это не про даты в учебнике. Она про людей. Если мы их забудем, они умрут во второй раз.

Максим открыл рот, чтобы выдать очередную колкость, но осёкся. На него смотрели. Кирилл, который только что хлопал его по плечу, вдруг отвернулся и устоялся в окно. Даже Виолетта перестала стучать ногтями. В этой тишине его «детка, не неси чушь» прозвучало жалко и глупо.

— ...Иди ты, — буркнул он в пустоту, пряча глаза.

«Пацаны, которые не струсил». Слова застряли в голове, как заноза. Он злился на Аню, на этот дурацкий класс, на себя. Потому что где-то очень глубоко шевельнулось мерзкое, липкое сомнение: *а струсил бы он сам?*

— Аня, Максим, достаточно, — строго вмешался Аркадий Семёнович, до этого спокойно наблюдавший за спором. — Тема важная и болезненная для многих. Давайте проявлять уважение.

— Вот и я говорю: картинки — это знак уважения! — хохотнул Комаров. — Я его проявляю.

— Знак уважения к чему? К истории или к традиции показать себя? — поинтересовался Аркадий Семёнович.

— Мне кажется, — не унималась Соколова, — что настоящая память должна длиться дольше, чем один день в году с парадом. Это не должно быть... обязаловкой.

Максим заметил, как на него с интересом смотрит Виолетта, и почувствовал азарт. Тем более учитель сам спровоцировал класс на спор.

— А что в этом плохого? — он выпрямился. — Людям нравится праздник. 9 мая — выходной день. А то, что это «обязаловка»... Ну, так у нас много что обязательство. Уроки, например. Это не значит, что они не нужны.

Аркадий Семёнович внимательно посмотрел на него, потом медленно кивнул.

— Интересная позиция, Максим. Удобная. Сводить всё к формальностям. Ставить галочку «я почтил память» и жить дальше. Но это очень... поверхностный взгляд. Получается, жизнь — это рилсы в телефоне, лайкнул, смахнул и забыл.

— А что в этом плохого? — Максим пожал плечами. — Так жить проще.

— Проще — не значит правильнее, — учитель развернулся и пошёл к доске.

Максим сел, чувствуя себя одновременно и победителем в споре, и негодяем. Слова Ани показали неприглядную изнанку его аргументов, с которыми он и сам не был до конца согласен. От этого стало ещё противнее.

Спасительный звонок разрезал напряжённую тишину. Все дружно, с грохотом парт, ринулись к выходу. Кирилл хлопнул Максима по плечу.

— Жёстко ты его, конечно. Но в точку. Задолбали уже с этим долгом.

Максим молча кивнул, сгребая учебники в рюкзак. Слова учителя, как заноза, засели глубоко внутри. «Поверхностный взгляд». «Неуважение».

Он вытолкнул себя в шумный коридор. Гул голосов, смех, толкотня — всё это накатило на него ватной, бессмысленной волной. Рука сама потянулась в карман,

пальцы нащупали холодный корпус телефона. Привычный ритуал: разблокировать, свайпнуть вверх. Яркие квадраты историй, мемов, сторис замелькали перед глазами. Палец скользил по экрану, но взгляд цеплялся не за картинку, а за собственное бледное, размытое отражение в тёмном стекле. Он щёлкнул, чтобы погасить экран. В глазах на секунду остались цветные пятна, а в ушах, сквозь школьный гам, — монотонное эхо: «Поверхностный. Поверхностный».

Весь день он ходил по дому, натываясь на дверные косяки. Рука раз за разом тянулась к телефону, чтобы написать Ане какую-то язвительность, но пальцы замирали над клавиатурой. Вместо слов в голове крутилась одна и та же заезженная пластинка: её фраза, его возражение, её пауза, полная презрения. Он громко хлопнул дверью холодильника, хотя ничего оттуда не брал.

Дед Борис оторвался от телевизора.

— Ты чего такой громкий сегодня? Иди посмотри, репетицию парада показывают.

— Да так, — промямлил Максим.

— На парад пойдём? Семьдесят пять лет Победы всё-таки.

— Не знаю, у меня дела, — ответил Максим, и его взгляд наткнулся на лёгкую извилистую трещину на стене. Он неожиданно вспомнил, как в детстве ходил с дедом на площадь, махал флажком, а потом они вместе ели мороженое в парке.

За ужином дед молча ковырял вилкой картошку. Отец что-то оживлённо рассказывал о новых проектах на работе. Включённый телевизор показывал военный фильм — чёрно-белые кадры с бегущими в атаку солдатами, грохот взрывов.

— ...наконец-то мы заключили контракт, представляешь, Оль? Но сколько нервов это стоило! — говорил отец, но его речь перекрывал голос диктора: «...ценой невероятных усилий и героизма бойцов Красной Армии...»

Дед перевел взгляд на экран и перестал жевать.

— Бать, да переключи ты уже на что-нибудь, — с раздражением в голосе сказал отец, протягивая руку к пультам. — Каждый день одно и то же. Война, война. Надоело уже.

Отец замолчал, и Максиму вдруг показалось, что в его глазах мелькнула не только досада, но и что-то вроде страха, словно он боялся этой темы.

Рука деда, старческая, в коричневых пятнах, легла на пульт, накрывая собой пальцы сына. Быстро, почти по-кошачьи.

— Не трожь, Дмитрий, — глухо произнес старик.

— Батя, ну сколько можно? — отец отдернул руку, его лицо исказила гримаса досады. — Максиму это нафиг не сдалось, ему ЕГЭ через год сдавать, в будущее смотреть, а не в прошлое ползать! Хватит жить тем, что было семьдесят лет назад!

Он почти кричал, и в этом крике слышался отзвук голоса того мальчишки, который в День Победы вместо похода в парк смотрел, как отец молча сидит у телевизора, и ненавидел этот день. Ненавидел войну, отнявшую у него не деда, которого он не знал, а живого, настоящего отца. Отца, который мыслями всегда был где-то далеко, в сорок третьем.

Дед не отрывал глаз от экрана. Губы чуть шевельнулись:

— Будущего... без прошлого не бывает.

Ложка отца грохнула о тарелку.

— Опять! — Дмитрий ударил ладонью по столу. Стакан подпрыгнул, вода расплескалась. — Какое прошлое, пап?

Какое?! Карьера, кредиты, семья — это настоящее! О нём и думать надо!

Дед медленно перевёл взгляд с экрана на сына. Помолчал. Достал платок, тщательно вытер губы.

— Семья, — сказал он беззвучно, почти шёпотом, — она и есть прошлое. Всё, что у нас есть. А без него мы... никто. Стадо.

Последнее слово повисло в тишине, густое, как дым.

Отец фыркнул, отодвинул тарелку и вышел из-за стола, бросив на ходу:

— Не могу я это слушать!

Максим последовал его примеру. В дверях он обернулся. Дед сидел один в свете мерцающего телевизора, неподвижный, как памятник самому себе, и казался бесконечно одиноким.

В своей комнате Максим надел наушники и запустил на ноутбуке игру. Выстрелы, взрывы, крики виртуальных солдат. Он яростно щёлкал мышью, но перед глазами стояли две картинки: Аня, говорящая про «пацанов, которые не струсил», и дед, одинокий и неподвижный в свете телевизора.

— Да пошли вы, — прошептал Максим, всаживая очередь в виртуального врага. — Причём здесь я?